

П. С. КУЗНЕЦОВ

**ВОПРОСЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ**

Сравнительно-историческое изучение родственных языков является одной из важнейших задач, поставленных перед советскими лингвистами И. В. Сталиным в его гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания». «Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка», — говорит И. В. Сталин. — А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения»¹. Не случайно, что, говоря о языковом родстве, И. В. Сталин указывает именно на славянские языки, как на пример такого родства. На протяжении многовековой своей истории славянские племена, впоследствии народы, неоднократно действовали совместно, сообща боролись с общими врагами; тесны и длительны были объединявшие их культурные связи. Славянские языки, чрезвычайно близкие друг другу в эпоху древнейших памятников, сохраняют взаимную близость на протяжении всей дальнейшей истории, вплоть до наших дней. Изучение связей этих языков имеет большое научное и культурное значение. На основании изучения их взаимоотношений могут быть поняты как внутренние законы развития языка, так и связь развития языка с развитием общества. Только имея в виду обе эти задачи, теснейшим образом связанные между собой, можем мы выполнить задачу, поставленную перед нами И. В. Сталиным.

Между тем следует признать, что за время, протекшее после появления гениального труда И. В. Сталина, в области сравнительно-исторического изучения славянских языков у нас пока почти ничего не сделано. Большие задачи стоят перед нами. Мы должны подвергнуть углубленной разработке в сравнительно-историческом плане как современные отношения славянских наций и языков, так и историческое развитие этих отношений. Последнее возможно лишь на основе достижений сравнительно-исторического метода. Вместе с тем на материале славянских языков мы должны усовершенствовать этот метод, который, по указанию И. В. Сталина, имеет и «серьезные недостатки».

Однако плодотворная научная разработка проблем славянского языкознания в сравнительно-историческом плане невозможна без перестройки исторического изучения в вузах отдельных славянских языков, и в первую очередь русского. В период господства в советском языкознании воззре-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 33—34.

ний Н. Я. Марра, и особенно в последние годы перед дискуссией, сравнительно-историческое языкознание было изгнано из нашей высшей школы, а из истории отдельных языков тщательно вытравились всякие элементы сравнительно-исторического объяснения различных языковых явлений. Между тем дальнейшая разработка сравнительно-исторического славянского языкознания, принимая во внимание всю сложность и многообразие стоящих перед нами в этой области проблем, невозможна без подготовки научной смены, без подготовки молодых кадров, владеющих сравнительно-историческим методом и умеющих применять этот метод к историческому изучению отдельных языков. Поэтому и изучение истории русского языка в системе вузовского преподавания не может вестись изолированно от родственных славянских и, шире, индоевропейских языков, не может не опираться на сравнительно-исторический метод.

Какие же основные задачи стоят перед нами в этой области?

Наличие в родственных языках, входящих в одну группу или семью, большого количества закономерных и последовательно проведенных соответствий в звуковом составе и значении корней и грамматических формативов (приставок, суффиксов, окончаний) не может быть объяснено иначе, как развитием всех языков одной группы или семьи из некогда существовавшего единого для данной группы или семьи языка-основы. Все попытки Н. Я. Марра и его «учеников», а также ученых, эклектически примирявших «новое учение» о языке и сравнительно-исторический метод, опровергнуть это положение, опирались лишь на голословные и бездоказательные утверждения и на совершенно фантастические объяснения. После разгрома антинаучной «теории» Н. Я. Марра теория развития родственных языков от языка-основы была сформулирована в ряде лингвистических работ, в том числе в докладах, прочитанных представителями Института языкознания АН СССР на сессии по проблемам этногенеза осенью 1951 г., и не встретила никаких обоснованных возражений².

Изучение истории любого отдельного славянского языка, в частности русского, должно начинаться с изложения особенностей общеславянского языка-основы и тех изменений, которые имели место на протяжении развития нашего языка от эпохи общеславянского единства до эпохи, засвидетельствованной древнейшими письменными памятниками.

Поскольку близкие родственные между собой славянские языки развились из некогда существовавшего единого общеславянского языка-основы, постольку одной из важнейших, хотя и не единственной, задачей является возможно полная реконструкция этого языка-основы. Подобная реконструкция достигается, с одной стороны, при помощи сравнения фактов отдельных славянских языков в различные эпохи их истории, преимущественно же в их древнейшем исторически засвидетельствованном состоянии (т. е. в эпоху их древнейших дошедших до нас письменных памятников), с другой же стороны, на основании сравнения этих фактов с фактами других индоевропейских языков. Некоторые лингвисты считают, что, в отличие от старого сравнительно-исторического языкознания, основной задачей современной науки является не реконструкция доисторического прошлого, а решение других проблем, также действительно важных, о которых будет сказано ниже. Однако отказ от такой реконструкции приведет нас к агностицизму, т. е. к установлению одних лишь соответствий между словами и формами родственных языков без ответа на вопрос, каким же образом эти соответствия возникли. Отказ от реконструкции языка-основы означал бы также признание, что все то, что можно было сделать в этой области, уже сделано в прежние годы. Между тем многое из того, что

² Подробнее см. в статье Б. В. Горнунга, В. Д. Левика и В. Н. Сидорова в № 1 «Вопросов языкознания».

было сделано раньше, требует критического пересмотра, на основе которого только и возможно дальнейшее плодотворное движение вперед.

Реконструкция единого общеславянского языка-основы вследствие взаимной близости отдельных славянских языков, а также вследствие того, что важнейшие отдельные славянские языки (хотя и не все в равной мере) хорошо изучены на всем протяжении их истории, осуществляется с большей легкостью, чем реконструкция языков-основ многих других групп, и тем более, чем реконструкция общиндоевропейского языка-основы. Наличие большого количества древнерусских и старославянских памятников, а также древних памятников различных южнославянских языков позволяет нам в достаточно полном виде представить себе состояние восточнославянской и южнославянской групп уже в X—XI вв. Западнославянские памятники (если не считать отдельных глосс, собственных имен, а также немногочисленных старославянских памятников западного извода) относятся к более позднему времени (к XIII в. для чешского языка, к XIV в. для польского, для других еще позднее). Мы с достаточной точностью можем реконструировать общеславянский звуковой строй, систему гласных и согласных, систему ударения, основные закономерности фонетического порядка, характеризующие этот строй (в первую очередь закономерности, связанные с структурой слога); с достаточной точностью можем мы восстановить и грамматический строй общеславянского языка, его систему склонения и спряжения. Так, например, основные типы склонения удается восстановить почти с полными для каждого типа парадигмами. Эти же типы, хотя и в несколько нарушенном виде, но с достаточной ясностью выступают и в древнейших дошедших до нас памятниках отдельных славянских языков. Таким образом, восстанавливаемая падежная система свидетельствуется и древнейшими памятниками письменности. Между тем при восстановлении общиндоевропейского грамматического строя приходится констатировать, согласно изысканиям последнего времени, что падежная система, засвидетельствованная наиболее архаическими индоевропейскими языками, еще не оформилась в грамматическом строе общиндоевропейского языка-основы. Мы вскрываем для общеславянского языка-основы в основном ту же систему прошедших времен, простых и сложных, которую находим в древнейших письменных памятниках (сложнее вопрос лишь в отношении будущего времени), что же касается системы глагола общиндоевропейского языка-основы, то она опять-таки сильно отличалась от аналогичной системы засвидетельствованных языков (так, нельзя еще считать окончательно решенным вопрос, оформилась ли уже эта система как временная или мы имеем дело еще с различием видов, представленных основами различных глаголов одного корня). Для общеславянского языка мы можем с достаточной точностью восстановить основные правила, по которым сочетались слова в предложении. Многие синтаксические конструкции являются, несомненно, общеславянскими (употребление дательного притяжательного для выражения принадлежности и ограничение родительного принадлежности вполне определенными случаями, особенности согласования сказуемого с подлежащим, ряд падежных конструкций и мн. др.). Мы можем реконструировать не только основной словарный фонд общеславянского языка, но и значительную часть словарного состава в целом, а также основные словообразовательные аффиксы и способы словообразования.

Реконструируя общеславянский язык-основу, мы должны иметь в виду, что эта реконструкция не является самоцелью, как это часто имело место в старом языкознании, а должна служить средством к раскрытию законов развития языка. Мы должны помнить, что язык-основа — это не просто схема, искусственно созданная сравнением, но некогда существовавший

живой и исторически развивавшийся язык, в нем самом могут быть намечены различные пласты, восходящие к различным эпохам.

Так, на основании сравнения данных различных славянских языков в их древнейшем исторически засвидетельствованном состоянии общеславянский язык вырисовывается перед нами как язык особого, весьма характерного фонетического строя, основные закономерности которого связаны с своеобразной структурой слога, которую характеризуют прежде всего так называемый закон открытых слогов или, шире, тенденция расположения звуков в слоге в порядке возрастающей звучности и тенденция однородности звуков в слоге с точки зрения качества их артикуляции (передней или задней). Ср., например, характерную для старославянского языка невозможность сочетания палатальных согласных $\dot{z}$, $\dot{s}$, r' , l' и др. со звуками o , $\bar{z}$, $\bar{s}$ или невозможность сочетания заднеязычных согласных с гласными переднего ряда. Эти закономерности не сложились сразу как нечто готовое. Каждая из них является результатом ряда частных фонетических процессов, происходивших в весьма различные исторические эпохи. Так, открытые слоги установились большей частью в результате монофтонгизации дифтонгов. Различные дифтонги монофтонгизировались в весьма разные эпохи. Если монофтонгизация таких дифтонгов, как ou и ei , происходила в ранний период существования общеславянского языка-основы, то монофтонгизация такого дифтонга, как oi (возможно, вследствие разнородности звуков, входивших в его состав), имела место значительно позднее. На то, что утрата дифтонга oi относится к сравнительно позднему времени, указывает, как известно, тот факт, что в эпоху первой палатализации этот дифтонг еще сохранялся (не вполне выяснено до сих пор, сохранялся ли этот дифтонг в начале действия второй палатализации). Очень поздно монофтонгизировались дифтонгические сочетания, оканчивавшиеся на плавный согласный (т. е. сочетания типа * $tort$). Фонетический облик общеславянского языка-основы в более ранний период его развития был совсем иной, чем мы его представляем себе для более позднего периода. Так, в нем существовало еще, например, большое количество закрытых слогов, лишь впоследствии ликвидированных. В определенную эпоху устанавливается и норма, согласно которой гласные и согласные в слоге имеют тенденцию быть однородными с точки зрения их передней и задней артикуляции. И если мы возьмем ранний период существования этого языка до наступления первой палатализации и далеко идущего воздействия j на предшествующие согласные, то увидим, что в пределах одного слога могли быть звуки разнородной артикуляции.

Различия более ранней в более поздней эпох в существовании общеславянского языка находим и в отношении системы ударения. Так, более поздняя эпоха развития общеславянского языка-основы характеризуется музыкальным, политоническим ударением, для которого характерны различия не только в отношении места, но и качества ударения в смысле направления движения голосового тона, в связи с чем различные слова и формы могут различаться не только местом, но и качеством ударения (при одном и том же месте). Ср., например, общеславянские * $vǫgъ$ «ворон» (нисходящее ударение на слоге og) и * $vǫgna$ «ворона» (восходящее ударение на том же слоге). Указанные различия в направлении движений голосового тона были в раннюю эпоху лишь дополнительными признаками слогов, различавшихся длительностью слогового элемента (ударение восходящее характеризовало слоги с долгими простыми гласными или долгими дифтонгами, ударение нисходящее — слоги с краткими дифтонгами или краткими простыми гласными).

Существует предположение, принятое большинством ученых, работающих в области сравнительно-исторического славянского языковедения,

что отличие древнейшей эпохи развития общеславянского языка от эпохи позднейшей в акцентологическом отношении было еще более глубоким. Предполагают, что некогда определенные музыкальные отношения характеризовали не только ударные, но и безударные слоги. Однако для такого предположения нет достаточных оснований. Оно может быть приведено в качестве гипотезы, подлежащей коренному пересмотру и принятой лишь потому, что на ее основе легко объясняются различные передвижения славянского ударения доисторической эпохи, которые могут быть объяснены и некоторыми объясняются иначе³.

Поэтому одной из важных задач, встающих перед нами при изучении дописьменной истории славянских языков, как в эпоху уже раздельного существования отдельных языков или групп, так и в эпоху существования единого общего языка-основы, а отчасти и при изучении эпохи, от которой дошли до нас письменные памятники, является точное определение хронологической последовательности изучаемых фонетических процессов или, иными словами, определение относительной хронологии фонетических явлений, поскольку для эпохи дописьменных памятников нельзя точно определить абсолютную дату появления той или иной черты. Да и письменные памятники, особенно древнейшей эпохи, не всегда дают достаточно точное представление о тех или иных процессах. Притом следует иметь в виду, что многие явления, отразившиеся в памятниках, сложились еще в дописьменный период. Относительная хронология, вообще сравнительно недавно разрабатываемая, была в центре внимания русских ученых (И. А. Бодуэна де Куртенэ, В. А. Богородицкого и др.) еще в конце XIX в., когда большинство западноевропейских лингвистов относило различные реконструируемые явления в область общего для данной группы или семьи праязыка (славянского или индоевропейского, все равно) без учета того, что многие из этих явлений не могли сосуществовать в одном языке одной эпохи. Следует заметить, что, несмотря на интенсивную разработку этой области, в ней еще много неясного и многое предстоит сделать.

Кроме того, нужно иметь в виду, что относительная хронология одних только фонетических явлений недостаточна. Звуки языка существуют не сами по себе, в них всегда облечены слова и формы. Развитие грамматического строя любого языка, его совершенствование, улучшение и уточнение его правил является ведущим началом в развитии языка и всегда находит свое выражение в его звуковом строе; возникающие грамматические категории любого языка всегда облачаются в звуки. Поэтому необходимо тесно связать относительную хронологию фонетических явлений с хронологией явлений, относящихся к другим сторонам языка, в первую очередь к морфологии. Когда мы рассматриваем доисторическое развитие грамматических форм, мы должны отчетливо представлять себе звуковой облик этих форм в различные периоды, а иногда и самое возникновение таких форм мы можем хронологически приурочить ко времени возникновения определенных фонетических явлений.

Как известно, за очень немногими исключениями, *x* является новым звуком для общеславянского языка, он развился из *s* в определенных фонетических условиях и лишь впоследствии в результате процессов аналогического порядка утратил связь с первоначальными фонетическими условиями. Так, например, процесс обобщения показателя *x* в древнем сигматическом аористе продолжается еще в историческое время (ср. засвидетельствованное в старославянском языке колебание между формами типа *мъ съ* и *мъ хъ*). В отличие от колебания *s:x* в формах древнего сигматического аориста новый сигматический аорист, как и имперфект, последовательно

³ См., например, J. Kuryłowicz, *L'accentuation des langues inde-européennes*, Краков, 1952.

представляют звук *x* в тех фонетических условиях, где первоначально он быть не мог. Этот факт, может быть, свидетельствует о том, что имперфект (как и новый сигматический аорист), связанный генетически в своем оформлении с древним сигматическим аористом (как бы ни объяснять элемент, предшествующий этому *x*), получил свою форму тогда, когда уже не действовала фонетическая норма $s > x$ и когда *x* могло являться и в других фонетических условиях. В свою очередь это наблюдение над фонетическим оформлением данной категории указывает на сравнительно позднее установление категории имперфекта в ее исторически засвидетельствованном для славянских языков облике. Без определения же последовательности развития различных грамматических форм нельзя понять развития грамматического строя языка в целом.

Еще в доисторическую (дописьменную) эпоху, но, повидимому, сравнительно поздно, установилось морфологическое различие между южнославянскими языками, с одной стороны, восточнославянскими и западнославянскими — с другой, состоящее между прочим в различии некоторых падежных форм *-jo* и *-ja* основ, а также неличных местоимений (южнославянское *ε* при западнославянском и восточнославянском *ě*). Это различие, несмотря на неоднократные попытки (Ф. Ф. Фортунатов, Д. В. Бубрих) истолковать его фонетически, возможно, с самого начала было различием морфологическим. Ф. Ф. Фортунатов, как известно, предполагал фонетическое развитие общеславянского носового *ě* из сочетаний **-jons*, **-jans* на конце слова. Против этого предположения говорит как будто развитие *ε* с закономерными соответствиями в различных славянских языках в именительном падеже единственного числа мужского и среднего рода причастия настоящего времени глаголов III-го класса (например, старослав. *знаж*, русск. *зная*). Д. В. Бубрих пытался объяснить это тем, что в последнем случае было сочетание не **-jons*, как в указанных выше формах, а **-jonts* (на наличие *t* указывают как косвенные падежи, так и соответствующие формы в других индоевропейских языках). Однако это предположение основано лишь на том положении, что различные результаты могли получиться лишь из различных исходных форм. С точки зрения фонетических закономерностей совершенно непонятно, почему он перед *s* дает носовое *ě*, а перед *ts* — носовое *e*. Если даже предположить, что рассматриваемые различия в какую-то эпоху развились фонетически, хотя пока еще и не выясненным путем, в определенную эпоху они стали, несомненно, морфологическими. И эпоха установления этого различия может быть соотнесена с определенными явлениями чисто фонетического порядка. Как известно, в определенную доисторическую эпоху в общеславянской звуковой системе действовала норма, согласно которой *ě*, являвшееся первоначально очень открытым звуком, после шипящих подвергалось изменениям в *a* (возможно, что в данном случае речь идет даже еще не о *ě*, а о том *ě*, из которого развилось *ě*, но есть основания думать, что этот процесс охватывал и *ě*, установившийся как особый звук). Эта закономерность продолжала действовать некоторое время и на почве отдельных славянских языков (ср. в русском языке в топонимических названиях — *Серегьрь*, *Селижарово*, *Селижаровка*, из угро-финского *Selg-jär(w)i*). Древнерусские формы типа род. п. ед. ч. *душь*, вин. п. мн. ч. *ключь* свидетельствуют о том, что в эпоху утверждения окончания *-ě* в соответствующих формах закономерность эта уже не действовала. Можно было бы думать об особых условиях конечного слога, что иногда вообще имеет место. Но такие формы, как 2—3 лицо ед. ч. аориста типа *мълача* говорят о том, что закономерность действовала и в конечном слоге. Этот факт известным образом определяет хронологические рамки утверждения соответствующего морфологического явления относительно других и именно фонетических явлений.

Придавая большое значение относительной хронологии явлений различного рода, необходимо иметь в виду, что разработка исключительно лишь вопросов относительной хронологии неизбежно ведет к известной схематизации.

Относительная хронология является крайне ценным средством, но лишь в том случае, если она подводит нас к познанию общих законов развития языка. Определение того, какими путями идет развитие грамматического строя для каждого конкретного языка на протяжении различных эпох его существования, а следовательно, и для доисторического развития общеславянского языка-основы, является необходимым для раскрытия внутренних законов развития языка, изучение которых, по указанию И. В. Сталина, является главной задачей языкознания. При этом развитие грамматического строя данного языка, как уже было сказано, не может быть полностью раскрыто и понято, если мы не установим последовательности развития различных грамматических категорий, смены одних категорий другими. Грамматический строй любого языка развивается в неразрывной связи с развитием мышления по пути все дальше идущего обобщения, абстракции, причем в разных языках это развитие идет различными и весьма своеобразными путями как в отношении того, какие грамматические средства используются, так и в отношении тех значений, которые соответствующими средствами выражены. С другой стороны, относительная хронология имеет целью подвести нас к абсолютной хронологии, конечно, настолько абсолютной, насколько это может быть сделано для дописьменных эпох. Только таким образом мы можем поставить изучение дописьменного развития строя языка на реальную историческую почву. Некоторые вехи в этом направлении могут быть поставлены и в настоящее время. Кое-какие указания дают, например, слова, проникшие в славянские языки из других языков в определенную эпоху. Фонетические изменения таких слов на общеславянской почве и на почве отдельных славянских языков, морфологическая структура этих слов и приспособление этой структуры к славянским условиям могут дать известные опорные точки для установления хотя бы приблизительно абсолютной хронологии некоторых явлений, а поскольку установлена относительно-хронологическая связь последних с некоторыми другими явлениями, то и для ряда других явлений. В качестве примера можно привести проникшее в славянские языки не ранее IX в. слово *korǫь «король», изменения которого много дают как для решения проблемы развития сочетаний типа *tort*, так и для решения вопросов акцентологического характера.

Много может дать и исследование топонимических названий, которые были унаследованы славянами от племен и народов, принадлежавших в языковом отношении к другим группам и семействам и расположенных некогда на тех территориях, которые впоследствии были заняты славянами (например, исследование русских топонимических названий на севере и востоке Европейской части СССР, полученных из различных угро-финских языков, поскольку эти названия принадлежат к различным хронологическим слоям и отражают историю взаимоотношения восточнославянских племен, а впоследствии русской народности с угро-финскими племенами). Само собой разумеется при этом, что одни языковые данные недостаточны даже для какого бы то ни было приближения к абсолютной хронологии и не могут быть плодотворно использованы, если мы не будем все время помнить указание И. В. Сталина о необходимости изучения развития языка в неразрывной связи с историей народа и если, помимо данных языка, не будут использованы в самом широком объеме данные исторических дисциплин — истории, археологии, этнографии. Понимание исторических судеб славянских племен и впоследствии народов не только для эпохи

дописьменной, но и для эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, понимание условий, в которых славянские племена и народы сменяли племена и народы, говорившие на иных языках, возможно лишь на основе полного использования исторических, археологических, этнографических данных. При этом необходимо иметь в виду, что обширный и чрезвычайно ценный фактический материал, собранный советскими археологами и этнографами и освещающий доисторические судьбы славянских племен, в свою очередь нуждается в критическом отношении к нему, поскольку материал этот в корне ошибочно интерпретировался в период господства марровских воззрений, пагубно отразившихся на развитии не только языкознания, но и археологии и этнографии. Характерные для периода господства марровских воззрений ошибки советских археологов и этнографов не изжиты полностью еще и теперь, как показывают некоторые доклады на сессии по проблемам этногенеза осенью 1951 г. (подробнее см. об этом ниже).

Восстанавливая общеславянский язык-основу в разные эпохи его существования, мы должны отчетливо представлять себе, каков был этот язык, каков был его звуковой и грамматический строй, его словарный состав, и не приписывать ему тех особенностей, которые характеризуют позднейшие исторически засвидетельствованные славянские языки. Ошибки, связанные с переносом в глубокую древность явлений, характерных для позднейших эпох, мы встречаем порой у весьма крупных исследователей. Так, А. Мейе, а за ним А. Вайан южновеликорусское и белорусское аканье генетически связывают с древним (у Мейе общеславянским, а у Вайана общепольскославянским) неразличением тембров *o* и *a*⁴, хотя это явления совершенно различного порядка и относящиеся к различным эпохам. Диалектное восточнославянское неразличение гласных (к тому же не только *o* и *a*, но также и *e*), называемое аканьем, относится лишь к безударному положению, тогда как древнее общеславянское (и балтийское) неразличение *o* и *a* с ударением не связано. Кроме того, возникновение аканья относится к сравнительно позднему времени (вряд ли оно имело место раньше падения редуцированных).

Различия совершенного и несовершенного видов, которые характерны для современных славянских языков, А. Мейе также приписывает общеславянскому языку⁵. Между тем, хотя определенная основа для этих различий наметилась уже в общеславянскую эпоху, даже к эпохе древнейших славянских памятников — старославянских, древнерусских — эти различия не оформились в них еще в той степени, как в современных языках. Следует иметь в виду, что оформление различий совершенного и несовершенного видов с их различными разновидностями, осуществившееся на базе уже сложившейся временной системы, шло в разных славянских языках различными путями. Это видно из того, что в разных славянских языках по-разному развивались отношения видов к временам, в отрыве от которых развитие видов и не может быть понято. Это различие состоит не только в том, что в одних языках терялись древние простые времена (как в восточнославянских и подавляющем большинстве западнославянских), а в других сохранились (как в южнославянских), но отношения видов к временам развивались по-разному даже в таких языках, где старая система времен целиком или хотя бы в основном сохранилась, как, например, в сербском и болгарском⁶. Различное развитие видов в отно-

⁴ См. А. Мейе, *Общеславянский язык*, русск. перевод, М., 1951, стр. 44; ср. также А. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, Париж, 1950, I, стр. 107.

⁵ См. А. Мейе, *Общеславянский язык*, стр. 239.

⁶ См. В. Havránek, *Aspects et temps du verbe en vieux slave*, Mélanges Bally, Женева, 1939.

шении к временам в разных славянских языках подтверждает предположение, согласно которому оформление видовой системы в начале исторической эпохи славянских языков еще не приняло современного облика.

Когда мы реконструируем звуковой и грамматический строй общеславянского языка-основы, необходимо соблюдать требование последовательности в реконструкции доисторических форм. Здесь надо постепенно идти от сравнения исторически засвидетельствованных форм к сравнению гипотетически реконструированных форм и восстановлению на основе этого сравнения форм еще более древних. Это правило далеко не всегда соблюдается и в самых последних работах по сравнительной грамматике славянских языков. Так, например, известный французский славист А. Вайан как в своей недавно вышедшей сравнительной грамматике, так и в более ранних специальных работах для объяснения славянских фактов как в области фонетики, так и в области морфологии, минуя предшествующие звенья, обращается непосредственно к фактам хеттского языка, весьма своеобразного и удаленного во многих отношениях от всех остальных индоевропейских языков в целом, что свидетельствует о раннем обособлении и самостоятельном развитии этого языка.

Существенной задачей, связанной с реконструкцией общеславянского языка-основы, является точное (насколько это возможно) определение пути, пройденного этим языком после выделения из общиндоевропейского языка-основы. С этим связана и проблема взаимоотношения общеславянского языка с языками других индоевропейских групп, в особенности наиболее близкой балтийской группы, и различные проблемы развития структуры общеславянского языка-основы, в первую очередь его грамматического строя. В славянских языках отсутствуют некоторые категории, наличные в других индоевропейских языках. Так, например, в славянских языках отсутствует (и, следовательно, могло отсутствовать в общеславянском языке, во всяком случае в эпоху, непосредственно предшествующую его распаденю) различие активных и медиальных окончаний в глаголе. Утрачено ли это различие на протяжении развития общеславянского языка, как обычно думают; или этого различия в славянской области никогда и не было? Одни славянские окончания, как известно, сопоставляются с активными, другие с медиальными окончаниями других индоевропейских языков, причем активные и медиальные окончания, по крайней мере в части случаев, генетически связаны. Ср. общиндоевропейские *-mi, *-mai, *-si, *-sai, -*ti, *-tai. Но таково ли было различие значений этих окончаний в общиндоевропейском языке-основе, какое мы находим, например, в санскрите или греческом, на основе сравнения которых и устанавливают в первую очередь общиндоевропейские личные окончания? Одним из основных требований, выдвигаемых при реконструкции доисторических форм, но далеко не всегда соблюдавшихся сравнительно-историческим языкознанием прежнего времени, является необходимость учитывать не только эволюцию звуковой стороны языка, но и эволюцию значения соответствующих форм. Те формы, которые впоследствии в части индоевропейских языков могли получить значение активных и медиальных личных окончаний, могли и не иметь этих значений в грамматическом строе общиндоевропейского языка-основы; ничто не указывает на то, что различия активных и медиальных форм глагола были когда-то свойственны общеславянскому языку-основе и лишь затем были утрачены на протяжении его развития.

Реконструкция общеславянского языка-основы в различные периоды его развития, хотя и представляет большую важность, не является единственной задачей, стоящей перед сравнительно-историческим языкознанием. Одним из недостатков старого сравнительно-исторического языко-

знания и было чрезмерное увлечение реконструкцией доисторического прошлого. Важной общей задачей является сравнительно-историческое изучение развития славянских языков на протяжении различных исторических эпох, т. е. эпох, засвидетельствованных письменностью, вплоть до наших дней. Да и сама реконструкция доисторического развития общеславянского языка-основы и отдельных славянских языков в сколько-нибудь широком объеме может быть осуществлена лишь на основе тщательного изучения исторического развития отдельных языков.

Взаимоотношения различных славянских языков на протяжении их истории меняются. Одни и те же славянские языки в одну эпоху ближе к одним, в другую к другим языкам, и даже в одну и ту же эпоху разные явления по-разному связывают между собой различные славянские языки. При изучении исторической грамматики любого отдельного языка должны быть установлены черты как сходства, так и различия по отношению к другим родственным славянским языкам и при этом черты, различные для разных эпох. В славянском языкознании прежнего времени по-разному решался вопрос о взаимоотношениях различных славянских языковых групп. Так, например, восточнославянские языки (в частности, русский), по мнению одних лингвистов, ближе к южнославянским, по мнению других, — к западнославянским и особенно к польскому. Между тем оба решения вопроса не являются взаимоисключающими, так как правильное разрешение его предполагает перенесение проблемы в исторический план.

Необходимо прежде всего отдать себе отчет в том, о какой эпохе и о каких явлениях идет речь. Наиболее ранние различия, отличающие друг от друга славянские языки, относятся в первую очередь к фонетике. Большинство этих различий таково, что объединяет восточнославянскую и южнославянскую группы, отличая их от западнославянской (ср. судьбу сочетаний *tl, dl*, судьбу *kv, gv* перед *ě* из дифтонга *oj* и т. д.). Но ряд фонетических и морфологических явлений сближает восточнославянскую группу с западнославянской. Так, и там и здесь развиваются и усиливаются различия твердых и мягких согласных, утрачивающиеся в южнославянской области, и там и здесь разрушается старая система времен, сохраняющаяся в целом лишь в южнославянской группе (а из западнославянских языков — лишь в лужицком).

Даже в отношении такого специфического восточнославянского фонетического явления, как полногласие, по мнению некоторых ученых, восточнославянская группа сближается с западнославянским польским языком, поскольку сочетания типа **tort > torot* и **tort > trot* представляют развитие, во многом подобное друг другу.

Объяснение различий во взаимоотношениях отдельных славянских языков в разные эпохи и в разных сторонах их звукового и грамматического строя и словарного состава является одной из важнейших задач славянского языкознания. Более тесная связь восточнославянской и южнославянской группы в фонетических явлениях древнейшей эпохи как будто может быть объяснена исторически. Племенные союзы словен и антов, предков современных южных и восточных славян, длительное время действовали совместно, совместно вели борьбу против Византии. Тесные связи этих двух племенных союзов, оформившихся на основе очень близко родственных племенных наречий, могли способствовать тому, что их наречия совместно переживали ряд языковых явлений. И, однако, повторение, вопрос не может быть решен так прямолинейно. Многие древние связи объединяют восточнославянскую группу с западнославянской — таковы некоторые элементы словарного состава, словообразования (ср., например, использование *и* в восточнославянской и в западнославянской области глагольной приставки *vy-, vu-* в соответствии с южнославянской

из-, iz-), сюда же относится различие в падежном окончании основ на -jo и на -ja, а также местоимений — восточнославянское и западнославянское -ě при южнославянском -ę. Впрочем, последнее различие, хотя и доисторическое, относится, как уже было сказано выше, к сравнительно позднему времени.

Большинство фонетических и морфологических явлений, объединяющих восточнославянские и западнославянские языки, относится к более позднему времени. Разрушение системы простых прошедших времен имеет место в разных наречиях в несколько различные эпохи, но в целом оно падает уже на исторический период. Есть основания думать, что живой древнерусский язык XI—XII вв. еще знал имперфект и аорист. Усиление различий твердых и мягких согласных, связанное со все дальше идущим развитием так называемых согласных вторичного смягчения, по крайней мере для древнерусского языка, падает на эпоху древнейших памятников. Для западнославянской области письменные памятники, соответствующие по древности указанным выше древнерусским, неизвестны. Различное развитие сочетаний типа *torc (следует, кстати, напомнить, что в судьбе их западнославянский чешский язык отходит от остальных западнославянских и смыкается с южнославянскими) относится к сравнительно позднему времени (об этом свидетельствует судьба формы *korǫ и некоторые другие факты).

Изучая сравнительно-исторически развитие отдельных славянских языков на протяжении эпох, засвидетельствованных письменными памятниками, мы должны вскрыть, каким образом общие предпосылки, общие тенденции развития, заложенные еще в общеславянском языке-основе, конкретно по-разному осуществляются в различных славянских языках, приводя в них к различным специфическим для каждого языка, хотя и подобным кое в чем результатам.

Мы должны помнить указание И. В. Сталина, что изучение языкового родства могло бы принести большую пользу в деле изучения законов развития языка. Как реконструкция общеславянского языка-основы и определение путей его развития, так и сравнительно-историческое изучение славянских языков на протяжении позднейших эпох нам важны прежде всего не сами по себе, но как средство раскрытия законов развития языка.

О каких законах идет здесь речь? Мы должны помнить указание И. В. Сталина на то, что каждый язык развивается по внутренним законам своего развития и что изучение внутренних законов развития языка является главной задачей языкознания. В то же время мы должны помнить другое указание И. В. Сталина, что «язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁷.

Одним из основных пороков старого языкознания, отразившимся и на сравнительно-историческом изучении славянских языков, является отсутствие подлинного историзма, характерное, по крайней мере, для большинства славистов прежнего времени. Развитие строя языка изучалось в отрыве от конкретной истории народа—творца и носителя языка. Если высказывались определенные лингвистические соображения общего порядка, намечались основные этапы развития того или иного конкретного славянского языка, то это делалось вне связи с историей народа, говорящего на данном языке. Вместе с тем слависты прежнего времени

⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

не ставили и не могли ставить задачу раскрытия общих законов развития языка на материале исторического развития славянских языков. В качестве примера можно отметить, что обе эти ошибки были свойственны, например, и такому талантливому, разностороннему и тонкому лингвисту, как акад. А. А. Шахматов.

Внутренние законы развития языка и связь развития языка с развитием общества не могут рассматриваться изолированно. Сравнительно-историческое изучение родственных языков, в частности славянских, очень много дает как для понимания внутренних законов развития соответствующих языков, так и для понимания связи развития этих языков с историей народов, говорящих на них. Существуют различные типы внутренних законов развития языка. Есть более общие законы, свойственные всем языкам мира, и более частные, обуславливающие развитие отдельных конкретных языков. В нашу задачу не входит сейчас рассуждение о внутренних законах развития языка в целом. Но можно, например, указать, что развитие грамматического строя по пути все дальше идущей абстракции, обобщения, возможности выразить различные отношения во все более обобщенном виде является общим законом, свойственным всем языкам, но это все дальше идущее обобщение в различных языках осуществляется в различных специфически им присущих формах. Так, развитие системы времен на базе видовых отношений древнего, довременного слоя, имевшее место еще в общендоевропейском грамматическом строе и продолжавшееся на славянской почве, является одним из проявлений этого все дальше идущего обобщения. Специфически славянское противопоставление различий нового видового слоя (т. е. различий совершенного и несовершенного вида), зачатки которого падают еще на общеславянскую эпоху, но которое окончательно развилось и оформилось уже на почве отдельных славянских языков, опять-таки является одним из проявлений этого все дальше идущего обобщения. Но и эта особенность, как мы знаем, многим языкам несвойственна; даже в наиболее близких к славянским балтийских языках видовое противопоставление не достигло той степени, какой оно достигло на славянской почве, например, на почве русского языка. Различные пути развития и оформления средств, выражающих все более обобщенное значение, в разных языках в значительной степени обусловлены теми предпосылками, теми тенденциями, которые заложены еще в общем для данной группы или семьи языке-основе. Развитие видовой системы оформилось окончательно на почве отдельных славянских языков, но предпосылки этого развития были заложены еще в общеславянском грамматическом строе; по своему характеру эти предпосылки были иные, чем те, которые были заложены в языках-основах других индоевропейских групп. Определяющая, ограничивающая роль приставок, судя по показаниям различных древних индоевропейских языков, наметилась еще в общендоевропейском грамматическом строе, но условия для противопоставления приставочных и бесприставочных глаголов, как глаголов совершенного и несовершенного вида, сложились лишь в общеславянском языке-основе.

Таким образом, при наличии общих тенденций, заложенных в общеславянском грамматическом строе, развитие категории вида, как и многих других категорий, осуществляется в различных славянских языках во многом своеобразными специфическими путями, о чем уже говорилось выше. И мы должны учитывать в развитии славянских языков как общее, так и специфическое. Все дальше идущее развитие мысли требует закрепления ее во все более сложных синтаксических формах. Элементарные синтаксические конструкции, основные типы сочетаний слов в предложении и их значения были заложены еще в общеславянском языке-основе.

Развитие сложного предложения, в особенности развитие подчинения, падает преимущественно на историческое время. И развитие это в разных славянских языках идет несколько различными путями. Вскрыть специфику развития строя предложения в различных славянских языках, при всех тех общих чертах, которые в этом развитии наблюдаются, вскрыть различное использование одного и того же исходного материала — союзов, союзных слов — также является важной задачей сравнительно-исторического славянского языкознания. Должны быть исследованы и элементарные конструкции (например, падежные), источник которых лежит, как уже сказано, еще в языке-основе. Эти конструкции меняются на протяжении истории, причем расхождения наблюдаются не только между различными языками, но даже между диалектами внутри одного языка.

Изучение родственных языков помогает нам понять и общие законы развития языка и связь языка с историей общества, которая отражается прежде всего в словарном составе. Словарный состав языка, — говорит И. В. Сталин, — находится в состоянии почти непрерывного изменения⁸. Он изменяется «...путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п.»⁹. Сравнительно-историческое изучение словарного состава различных славянских языков и выделение общих элементов в нем раскрывает перед нами картину жизни славянских племен до их распада, их производство и материальную культуру, их социальную организацию. Сопоставление же общеславянского словарного состава с словарным составом других индоевропейских языков раскрывает перед нами путь, пройденный славянскими племенами за время их самостоятельного существования. В то же время существенно обратить внимание на различную судьбу отдельных славянских племен, впоследствии народностей, а затем наций, после распада славянской общности. И здесь очень много дает изучение специфических особенностей (наличных при всей общности) в развитии словарного состава отдельных славянских языков. Восстановление общеславянского словарного состава рисует нам сложную родоплеменную организацию, на которую указывают такие общеславянские термины родства, как *otъьь*, *mati*, *synъ*, *dъkti*, *dědъ*, *pradědъ*, *baba*, *vъnukъ*, *bratrъ* «брат», *sestra*, *svękrъ*, *svękry*, *zъlъva*, *děverъ*, *jętry* «жена брата мужа», *stryi* «дядя по отцу» и т. д., такие названия совокупности членов рода и племени, как *rodъ*, *narodъ*, *kolěno*, *plemę* и т. д., а также ряд терминов, относящихся к жизни рода и племени. Большой материал в этой области собран у виднейшего советского слависта, покойного проф. А. М. Селищева. Классовое расслоение у славян имело место уже после распада славянской общности, на что указывает отсутствие общеславянских общественно-политических терминов, характеризующих классовое общество. Восстановление общеславянского словарного состава рисует нам достаточно высокую материальную культуру славян в эпоху их общности, земледельческое и скотоводческое хозяйство, развитие различных ремесел¹⁰. Существенно при этом обратить внимание на формулированное И. В. Сталиным разграничение основного словарного фонда и словарного состава в целом. Следует иметь в виду, что отдельные славянские языки, при всей их близости, могут расходиться кое в чем и в основном словарном фонде. Эти различия должны быть учтены и разъяснены. Ср., например, наличие в русском языке некоторых очень старых слов

⁸ См. И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, стр. 24.

⁹ Там же, стр. 25.

¹⁰ Обо всем этом см. А. М. Селищев, *Славянское языкознание*, т. I, М., 1941, Введение.

основного словарного фонда, отсутствующих в других славянских языках (*сапог, собака, дешевый* и т. д.).

Поскольку ядро основного словарного фонда образует, согласно указанию И. В. Сталина, корневые слова и поскольку одним из основных средств пополнения непрерывно развивающегося словарного состава (и, пожалуй, даже наиболее важным средством) является образование новых слов от этих корневых, весьма важной задачей является изучение словообразовательных средств славянских языков в сравнительно-историческом плане. Словообразовательные аффиксы различных славянских языков в подавляющем большинстве случаев восходят к единому материальному источнику, но продуктивность одних и тех же аффиксов, их использование, семантика в различных языках могут быть различными. Ср., например, использование в старославянском языке суффикса *-ск-* для образования прилагательного от *небо* — *небескыйи* (ср. также чешск. *nebeský*, польск. *niebiański*). В русском языке прилагательное соответствующего значения образуется посредством суффикса *-ын-* (современное *-н-*) — *небесный*, хотя суффикс *-ск-* (современное *-ск-, -еск-*) в других значениях у нас широко используется. Оба эти суффикса общеславянские, но суффикс *-ын-* имел первоначально более общее, а *-ск-* более частное значение (свойство по названию места и некоторые другие).

Выяснение как общего, так и своеобразного для разных славянских языков в историческом развитии словообразовательных средств имеет большое значение для выяснения общих законов развития славянских языков.

Сравнительно-историческое изучение славянских языков в их исторически меняющихся взаимоотношениях имеет большое значение для решения проблемы языкового родства в целом. Родственные языки одной группы или одной семьи представляют, как известно, результат различной эволюции единого исходного материала, они все образовались в результате распада единого для каждой данной группы или семьи языка-основы. Этот распад имел место в различных группах и семьях в различные эпохи; различны были и взаимоотношения разных языков после этого распада.

Для того чтобы понять общие законы развития языка, для того чтобы понять, почему в пределах одних групп и семей языки связаны очень тесно, очень близки друг другу, а в других эти связи не сразу и не во всем устанавливаются даже в результате углубленного научного исследования, необходимо исследовать конкретные условия развития различных родственных языков. Славянские языки и в этом отношении представляют весьма богатый материал. Разрыв первоначальной общности славян имел место сравнительно незадолго до начала их истории, засвидетельствованной сохранившимися письменными памятниками; разошедшиеся языки не уклонились еще значительно друг от друга. Возможно, что связь между различными славянскими племенами, образовавшимися после распада этой общности, еще поддерживалась в какой-то мере и позже. Об этом свидетельствует большая языковая близость всех славянских языков на заре их истории.

Сравнительно вскоре после распада первоначальной общности в различных частях территории, занятой широко расселившимися славянами, складываются союзы близко родственных племен. В качестве примера можно указать на сложившийся в восточнославянской области племенной союз, из которого выросла впоследствии древнерусская народность. Племена, входившие в состав этих союзов, говорили на еще не успевших сколько-нибудь значительно разойтись, близко родственных диалектах, не являющихся еще языками. Образование таких союзов препятствовало дальнейшему расхождению (по крайней мере, значительному) диалектов и способ-

ствовало тому, что соответствующие диалекты переживали совместно некоторые общие явления, отличные от явлений других славянских диалектов (например, развитие полногласия во всех восточных славянских диалектах). Установление возможной хронологической связи явлений, характеризующих лишь часть славянской языковой области, с историей взаимоотношений различных славянских племен является также одной из важных задач, стоящих перед сравнительно-историческим славянским языкознанием.

Различные проблемы, связанные с историческим развитием отдельных славянских языков и их взаимоотношений, могут быть полностью разрешены на основе углубленной совместной работы лингвистов и представителей других специальностей — историков, археологов, этнографов, фольклористов. Предстоит не только использование уже собранного материала при его углубленном изучении, но и дальнейшая разработка, собирание нового материала, надлежащая оценка и интерпретация всего этого материала как старого, так и нового. Как уже было сказано выше, далеко не все археологические и этнографические работы, даже относящиеся к последнему времени, освободились от тех воззрений, которые характерны для ученых, принадлежавших к «школе» Н. Я. Марра или испытывавших на себе ее влияние. Это замечание применимо и к лингвистическим работам.

Археологические и этнографические памятники, сохранившиеся от доисторических эпох, сами по себе немы; мы можем установить на данной территории преемственность материальной культуры или реальную связь различных культур, но мы не всегда знаем, на каком языке говорили представители одной культуры разных эпох, не знаем также, говорили ли на близко родственных языках те народы, которые располагали близкими друг к другу культурами. Данные некоторых докладов, прочитанных на сессии по проблемам этногенеза в 1951 г., вступали в противоречие с лингвистическими данными. Так, в некоторых археологических докладах для очень раннего времени устанавливалось наличие древностей, считающихся славянскими, на весьма обширной территории. Но данные языка, данные о близости славянских языков на заре их истории говорят скорее о сравнительно позднем распаде и распространении славян по этой обширной территории. Некоторые доклады (например, доклад П. Н. Третьякова) говорили об очень древней археологической обособленности различных восточнославянских племен (например, кривичей и вятичей уже в III в. н. э.). Лингвистические данные не подтверждают предположения о таком раннем обособлении этих племен, а наоборот, говорят о почти полном единстве восточнославянских наречий даже в X—XI вв.

Предположение об очень раннем пребывании славян в Поднепровье, предположение о том, что они были здесь еще в доскифские времена, т. е. в VIII—IX вв. до н. э. (причем неясно было — о славянах в целом или специально о восточных славянах идет речь), высказывал А. И. Тереножкин в докладе на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии в январе 1952 г. Ошибкой многих археологов, совершенно верно отмеченной на этой конференции Б. Н. Граковым, характерной для периода господства марровских воззрений и наблюдающейся еще и теперь, является то, что они не делают различия между языковым родством и этническим единством, с одной стороны, и археологической культурой, — с другой.

Взаимная близость славянских языков на всем протяжении их истории требует, наряду с углубленным изучением диалектного материала в пределах отдельных языков, также изучения диалектных явлений, общих двум или нескольким родственным языкам. Следует иметь в виду, что при соприкосновении двух далеких друг от друга материально и по строю языков граница между ними может быть установлена четко. Также и в

отношении двух родственных, но далеких друг от друга языков. В случае же большой близости родственных языков бывает, что граница распространения какого-нибудь диалектного явления выходит за пределы одного языка и уходит на территорию другого. Так, например, аканье, характерное для южновеликорусского наречия, уходит за пределы русского языка и охватывает всю территорию белорусского языка. Правда, в данном случае речь идет о таких языках, которые оформились как языки особых народностей и затем наций сравнительно поздно на основе диалектов языка единой древнерусской народности, возникновение же аканья относится к более раннему времени, чем образование различных восточнославянских народностей, но и для более раннего времени могут быть также установлены черты, границы которых не совпадают с границами различных славянских народностей.

Как известно, в русском языке по диалектам различно произносится *г*. В соответствии с заднеязычным взрывным *g*, характеризующим северновеликорусское наречие и переходные говоры, в южновеликорусском наречии произносится заднеязычное фрикативное *ɣ*. В украинском языке этому звуку соответствует также фрикативное, но более глубокое фарингальное *h* (называемое иногда гортанным). Это *h* идет далеко на запад за пределы восточнославянской области, захватывая также словацкий и чешский языки. В результате длительного изучения диалектологического материала различных славянских языков (а оно осуществлено далеко еще недостаточно) должны быть установлены явления, общие для различных языков, но не повсеместные; в то же время для каждого данного языка должна быть вскрыта, насколько это возможно, историческая основа соответствующих явлений, решена проблема генетической связи или параллельного (в силу общих тенденций, характерных еще для языка-основы) развития этих явлений. При этом не следует увлекаться бросающимся в глаза подобием соответствующих явлений, а необходимо стремиться при этом общем подобии вскрыть специфические особенности, характерные для различных языков. На очереди в этом направлении стоит изучение ряда существенных явлений.

По всей славянской области распространено в какой-то мере такое явление, как утрата интервокального *j* с последующим стяжением гласных (лишь в части русских говоров этого явления нет), причем в разных славянских языках это явление принимает весьма различные конкретные формы.

В части славянских языков особую судьбу имеет безударный вокализм. Мы находим это явление в части русских и болгарских говоров, в словенском и в древнем полабском языке, причем везде это явление протекало и протекает своеобразно, определяется различными дополнительными условиями. Следует сказать, что грубую ошибку совершали те ученые, которые стремились понять соответствующие изменения как результаты одних и тех же процессов.

Следует поставить в заключение и еще одну задачу сравнительно-исторического изучения. Языки почти никогда не развиваются изолированно. На протяжении своей истории они приходят в соприкосновение с другими языками, как родственными, так и неродственными. Различные славянские языки скрещивались с самыми различными другими языками. Мы знаем, что «...при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»¹¹.

¹¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29—30.

Но мы знаем, что кое-что от побежденного языка остается: остаются отдельные слова, остаются и элементы звукового строя. Нас интересуют, в первую очередь, такие случаи (их большинство), когда победителями выходили славянские языки. В этих случаях оказывается существенным установить для различных славянских языков, что именно в их составе унаследовано от других языков, предшествовавших славянским на данной территории, но в них затем растворившихся. Этим вопросом лингвисты занимались давно, но многое из достигнутого в области изучения этого вопроса должно быть пересмотрено. Не следует слишком большого значения приписывать действительно имевшему место в истории скрещиванию. Не следует, например, все явления в области звукового строя данного отдельного славянского языка, отступающие от особенностей языка-основы, относить за счет других языков. Каждое явление должно быть рассмотрено во всей его конкретности. Одни и те же особенности языка в различных конкретных условиях могли образоваться различными путями, в одних случаях быть результатом скрещивания, а в других случаях — результатом внутреннего развития строя данного языка или развития взаимоотношений различных диалектов внутри данного языка. Так, например, сближение шипящих и свистящих согласных, наблюдающееся в некоторых русских говорах (следует, кстати, иметь в виду, что подобное явление наблюдается и за пределами русского языка, например, в части польских говоров), в ряде случаев объясняется тем, что на соответствующей территории действительно имело место в прошлом поглощение русским языком различных языков угро-финской семьи, в других же — столкновением, взаимовлиянием различных русских же диалектов.

В этой области опять-таки очень полезны работы А. М. Селищева, собравшего много интересного материала и высказавшего ряд весьма ценных соображений как в области отношений различных славянских диалектов к языкам иных групп и семей, так и в области взаимоотношений диалектов различных славянских языков.

Вопрос, который должен быть рассмотрен особо и который не связан непосредственно с сравнительно-историческим изучением славянских языков, — это вопрос о литературных языках, их формировании и развитии. Для нас это прежде всего вопрос о старославянском книжном языке, древнейшем письменном языке славян, который важен в двух отношениях. Во-первых, он дает наиболее богатый материал по звуковому и грамматическому строю, а также словарному составу того живого славянского языка, который был сравнительно близок к единому общеславянскому языку-основе; во-вторых, старославянский язык долго использовался как книжный язык у различных славянских народов (у южнославянских и восточнославянских, а некоторое время и у части западнославянских), причем служил как бы связующим звеном между отдельными славянскими языками. Так, например, сербский язык в эпоху воздействия на него русского (в XVIII в. и позднее) получает через посредство русского языка некоторые слова для выражения отвлеченных понятий, причем слова эти являются по происхождению не собственно русскими, а старославянскими, т. е. в первоисточнике южнославянскими (например, *опредѣлити* «определить», *излишан* «излишний»). Изучение старославянского языка в его отношении к различным славянским языкам, его исторической судьбы в различных славянских странах также является весьма важной задачей, стоящей перед славянским языкознанием.

Плодотворное изучение славянских языков в сравнительно-историческом плане невозможно без осуществления большой подсобной подготовительной работы — издания различных материалов, на основе которых только и может быть осуществлено исследование. С этой целью необхо-

димо издание памятников, толковых и этимологических словарей различных славянских языков, пособий общего и специального характера. Необходимо привести в известность и сделать общим достоянием все ценное, что сделано было до сих пор виднейшими учеными-славистами как у нас, так и в других странах.

Все изложенное еще не в полной мере показывает, какие большие задачи стоят перед советскими лингвистами не только в отношении дальнейшей разработки сравнительно-исторического славянского языкознания, но и в деле подготовки полноценных специалистов в этой области науки о языке, в деле помощи нашей высшей школе в отношении подготовки этих кадров.
